УДК: 316.653(=161.1) DOI: 10.12737/22700

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В ТЕМПОРАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Маленков В. В.[1]

Выделяются четыре стадии трансформации образа СССР в провластном политико-историческом дискурсе и массовом сознании граждан в постсоветский период. Утверждается, что конструкт «советского прошлого» в современной политике все активнее используется в качестве инструмента административно-мобилизационного механизма строительства российской нации вертикального типа, является одним из ключевых элементов в процессе ее символического конструирования.

В эмпирической части статьи представлены результаты социологического исследования, посвященного восприятию СССР как составляющей образа исторического прошлого страны. Описывается как на уровне общественного сознания «воображаемое» советское прошлое, приобретая характер наиболее идеализируемого периода в истории страны, становится одним из ключевых элементов гражданской идентичности россиян. На основании анализа различий в ответах респондентов разных поколенческих групп делается вывод о возрождении положительного образа СССР главным образом среди самой молодой части опрошенных, обозначенных в исследовании как «поколение стабильности».

Ключевые слова: историческое сознание, образ прошлого, нация, нациестроительство, СССР, поколение, административно-мобилизационный механизм.

AN IMAGE OF THE SOVIET PAST IN THE TEMPORAL STRUCTURE OF FORMING RUSSIAN NATION

MALENKOV V. V. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Tourism, Tyumen State Institute of Culture (Russian Federation, Tyumen), e-mail: vvmalenkov@gmail.com

Four stages of transformation of the image of the USSR in the pro-government political and historical discourse and the mass consciousness of the citizens in the post-Soviet period are presented. It is alleged that the construct of the "Soviet past" in modern politics is increasingly used as a tool for administrative and mobilization mechanism for the construction of the Russian nation of vertical type, it is one of the key elements in the process of symbolic construction.

In the empirical part of the article the results of a sociological study on the perception of the Soviet Union as part of the image of the historical past of the country are presented. "Imaginary" Soviet past is described at the level of social consciousness,

Маленков Вячеслав Викторович – кандидат социологических наук, доцент кафедры туризма; Тюменский государственный институт культуры; адрес: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Республики, д. 19; e-mail: vvmalenkov@gmail.com

assuming the character of the most idealized period in the history of the country, becoming one of the key elements of the Russian civil identity. Based on the analysis of differences in the answers of the respondents of different generation groups it is concluded that the rebirth of the USSR positive image mainly among the youngest of the respondents is identified in the study as "generation of stability".

Keywords: historical consciousness, image of the past, nation, nation-building, USSR, generation, administrative mobilization mechanism

Тема исторического сознания, исторической политики являлась центральной в социальном дискурсе России с момента крушения Советского Союза. Однако начиная примерно с 2012 года исторический дискурс существенно активизировался, обострился и приобрел достаточно чёткую идеологическую направленность.

Конкурирующие на протяжении всего постсоветского периода проекты российской истории – либеральный и консервативный – впервые сошлись в открытой конфронтации. Если раньше эти исторические программы были так или иначе представлены в политике действующей власти и сбалансированы между собой в соответствии с основными канонами воспроизводства гибридных политических режимов, то теперь одна из этих программ явно претендует на монополию. Иными словами, либеральный проект признан не способным выступать в качестве фундамента строительства нации уже примерно со второй половины девяностых годов, но его неспособность выступать в качестве стабилизатора гибридной политической системы осознана лишь в последние несколько лет. Консервативный проект, напротив, переживает рассвет. Он активно используется властью в политических целях и поддерживается превалирующей частью граждан.

Предметом разногласий вышеобозначенных проектов «идеального прошлого» являются различные исторические периоды, но особое место среди них занимает советский период, составляющий пространство наиболее актуального прошлого и являющийся сегодня базой «консервативной программы истории». Репрезентации идеального образа СССР присутствуют в аналитических передачах, ток-шоу, сериалах, документальных фильмах.

Провластный политико-исторический дискурс о советском периоде и восприятие образа СССР гражданами страны прошли четыре основных этапа:

1 этап. Политика тотальной критики советского периода в контексте трактовки «тоталитарного прошлого». «Отталкиваясь от идеологических оппозиций времен холодной войны, властная элита начала 1990-х годов интерпретировала постсоветский транзит в логике историцистской схемы, побуждавшей к тотальному отрицанию советских принципов»[1]. На уровне общественного сознания наблюдается ситуация полярного разделения граждан на поддерживающих официальную провластную линию критики советского прошлого и выступающих против политики его делегитимации.

2 этап. Осторожная (дозированная) критика советского периода истории, избирательная политика встройки отдельных элементов советского прошлого в структуру национального постсоветского нарратива. Политика отрицания перестает работать в силу ряда причин. На этом этапе происходит разочарование в социально-экономических реформах начала 90-х годов, которое экстраполируется на политическую сферу. На этой стадии виден существенный рост коллективных форм ностальгии о советском времени.

[1] Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2012. – Т. 8. – №4. – С. 183.

3 этап. Терапевтическая политика (терапия прошлым, иглоукалывание прошлым) – переход к пониманию крушения СССР как национальной травмы – личностная ностальгия на фоне реинституционализации советского прошлого, в частности, частичное восстановление значимых советских символов. На уровне общественного мнения активно меняется отношение к событиям как советского, так и раннего постсоветского периодов, историческим личностям и персонажам того времени. Советское «обрастает» положительными значениями, постсоветское воспринимается чаще в отрицательном ключе. Характеризуя данный период, Б. Дубин отмечал, что «преобладающая часть населения страны год за годом усиливала ориентацию на символы национального целого, державного престижа, советского прошлого, окрашенного в ностальгически-радужные тона»[1].

4 этап. Национализация ностальгии по СССР – личностная ностальгия людей остается и трансформируется в коллективные формы воспоминания. Однако существенным фактором на данном этапе становится трансформация образа СССР в положительную сторону, активное его использование в процессе нациестроительства, превращение в одну из базовых скреп все еще формирующейся российской нации. На фоне ностальгических воспоминаний, идеализированных представлений массового общественного сознания о советской повседневности происходит активная релегитимация политической системы и политико-управленческих практик советского периода, имперского нарратива.

Все это не могло не отразиться на историческом сознании граждан страны, обыденных представлениях о советском прошлом. Следует отметить небывало высокую степень единодушия официальной точки зрения и основной массы населения относительно ключевых вех истории советского периода впервые после крушения СССР. Об этом свидетельствуют результаты опросов крупнейших социологических служб страны и исследования отдельных ученых[2].

На современном этапе на арену выходят постсоветские поколения, не имевшие опыт жизни в СССР, которые и становятся основными носителями идеальных представлений о советском периоде истории России, субъектами «изобретающего воспоминания»[3].

---

[1] Дубин Б. В. Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra. – 2011. – Т. 15. – №5. – С. 12.

[2] Ачкасов В. А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т. XVIII. – №2 (79). – С. 181–192; Головашина О. В. Образ Советского Союза в социальной памяти современных россиян (на материалах эмпирического исследования) // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 11. – С. 193–198; Гудков Л. Д. Время и история в сознании россиян (Часть 1) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – №3. – С. 84–102; Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 25–39; Касамара В. А., Сорокина А. А. Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. – 2014. – №1. – С. 107–118; Проказина Н. В., Старых Н. П. Коммуникативная память о Великой Отечественной войне: теоретические подходы и социальная практика // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 5(35). – С. 35–43.

[3] Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 436–472; Головашина О. В. «Изобретающее воспоминание»: образ СССР в коммуникативной памяти первого постсоветского поколения // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. Сборник статей и тезисов докладов Международной научной конференции. – Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2015. – С. 250–255.

С целью выявить место советского периода в историческом сознании россиян, было проведено социологическое исследование. Полевой этап исследования был реализован в марте–апреле 2015 года. Методом сбора данных явился анкетный опрос. Объектом исследования выступили жители города Тюмени в возрасте от 17 до 77 лет. Общий объем выборки составил 1600 респондентов. Параметры выборки относительно генеральной совокупности (всего населения Тюмени в возрасте от 17 лет и старше) контролировались по полу и возрасту респондентов. Дополнительно в процессе обработки данных производился «ремонт» выборки – все расчеты производились с весовыми коэффициентами, отражающими социально-демографическую структуру населения города Тюмени по полу и возрасту.

В процессе обработки полученных данных респонденты группировались в четыре сегмента в зависимости от возраста. Возрастные интервалы формировались на основе поколенного подхода. Выделено четыре группы респондентов. В первую группу, обозначенную как «советское поколение», были включены респонденты, родившиеся до 1972 года. На момент проведения опроса возраст респондентов данной группы составил от 43 до 77 лет. В группу «позднесоветского поколения» вошли респонденты 1973–1984 годов рождения. В «постсоветскую переходную генерацию» вошли люди, родившиеся в период с 1985 по 1993 год. «Поколение стабильности» охватывает молодежь 1994–2000 годов рождения.

Основой выделения данных поколенческих групп явился опыт непосредственного взаимодействия с базовыми институтами гражданского и политического характера – советскими и постсоветскими. В качестве ключевого критерия выступили характер, особенности исторического периода, определившие политическую и гражданскую социализацию поколения[1]. Границы выделенных нами групп достаточно условны, представляют скорее идеальные модели.

В массовом сознании россиян присутствуют различные символические модели, мифологизированные представления о прошлом страны. Первый вопрос, касающийся прошлого, имел цель выявить степень идентификации респондентов с разными историческими образами России. С каким образом России ассоциируют себя респонденты?

В ходе исследования выяснилось, что около трети респондентов всех поколений ассоциируют себя с современной Россией. Вместе с тем ориентация «здесь-и-сейчас» в последние годы теряет вес, тогда как ретроспективная идентичность набирает силу. В старших поколениях она явно преобладает, значительно опередив ориентацию на настоящее. Ретроспективная идентичность характерна также для трети респондентов почти всех поколений, кроме советских (советского и позднесоветского). В этих поколениях ретроспективная идентичность достигает половины опрошенных. При этом молодые респонденты чаще выбирают образы далекого прошлого России. Ассоциации с Советским Союзом явно превалируют в старших поколениях: советском поколении – 25,7%, позднесоветском поколении – 27,2%. Самый низкий уровень идентификации с Советским Союзом наблюдается среди представителей поколения стабильности – 4,1%.

В целом роль советского времени в конструировании прошлого и будущего России чрезвычайно велика. Об этом свидетельствует тот факт, что более половины респондентов (53,0%) считает советский период в истории России самым успешным временем. Современный же период (с 2000 года по 2015 год) считают таковым примерно каждый четвертый респондент – 23,4%. При этом 21,2% отметили современный период в качестве

[1] Левада Ю. А. Заметки о «проблеме поколений» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – №2. – С. 9–11; Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003. – М.: ИС РАН, 2003. – С. 213–233.

наиболее успешного, без упоминания руководства страны, 2,2% указали на В. В. Путина (варианты ответа «Путин», «Путинский период», «правление Путина» и т.д.). Почти каждый пятый (19,6%) считает самым успешным период до революции 1917 года. Из них 10,2% отметили период правления Петра I. Остальные 9,4% считают успешным исторический период до революции – в основном упоминают Российскую Империю, единичны упоминания конкретных правителей того периода. Девяностые годы XX века практически замыкают ранговую таблицу, их считают успешными лишь 3,8% респондентов.

Поскольку вопрос был задан в открытой форме, респонденты должны были написать от одного до трех вариантов ответа самостоятельно. Непосредственно аббревиатуру СССР, Советский Союз, Советский период отметили 23,4%. Фактически четверть опрошенных считают наиболее успешным в истории советский период в целом, не выделяя каких-либо отдельных временных отрезков. Вместе с тем, 29,6% указывали на конкретные периоды советской истории – лидерами в этом ряду оказались Победа в Великой Отечественной войне (11,6%) и период правления Брежнева (7,8%). Периоды «хрущевской оттепели» и «перестройки» считают наиболее успешными по 3,2% (табл. 1).

Таблица 1 – Мнение респондентов о самом успешном периоде в истории России
Table 1 – Respondents' opinion about the most successful period in the history of Russia

Варианты ответа	Процент ответивших	Ранг
СССР	23,4	1
Россия 2000-х (современная Россия)	21,2	2
Победа в ВОВ	11,6	3
Правление Петра I	10,2	4
Дореволюционный период	9,4	5
Период правления Брежнева («Застой»)	7,8	6
Девяностые годы XX века	3,8	7
«Хрущевская оттепель»	3,2	8
«Перестройка»	3,2	8
От образования СССР до начала ВОВ	2,4	9
Путинская Россия	2,2	10
Послевоенный период (45–53 г.г.)	1,4	11

Ответы достаточно сильно отличаются в разных поколенческих группах. Так указание на успешность советского периода в целом без обозначения конкретных эпох больше характерно для самого молодого поколения (25,5%), что свидетельствует о восприятии этого периода как некоего социально-сконструированного идеального образа. Представители самого старшего поколения, имеющие непосредственный опыт жизни в СССР, гораздо чаще указывали на конкретную эпоху. Лидирующую позицию в ответах ожидаемо заняла эпоха правления Брежнева (т.н. «застой») – ее отметили 15,3%. Победу в Великой Отечественной войне считают самым успешным периодом 15,3% представителей поколения стабильности, 14,2% постсоветской переходной генерации, 9,2% позднесоветского поколения, 5,1% советского поколения.

Считая советский период наиболее успешным в истории страны, респонденты более критично оценивают качество ее политической системы – советская хуже нынешней

российской, но лучше демократии по образцу западных стран. Лишь 22,6% считают советскую политическую систему лучшей, тогда как российскую (в ее нынешнем виде) 35,4%. Демократию по образцу западных стран лучшей считают 14,1%. Велико количество затруднившихся с ответом – 27,9%.

Таблица 2 – Какая политическая система кажется респондентам лучшей? (%)
Table 2 – What political system seems better to respondents? (%)

Варианты ответа	Поколения			
	Поколение стабильности	Постсоветская переходная генерация	Позднесоветское	Советское
Советская	14,3	20,6	25,9	39,1
Российская (в ее нынешнем виде)	35,5	37,3	40,6	28,4
Демократия по образцу западных стран	17,8	16,4	8,4	8,6
Затруднились ответить	32,4	25,7	25,2	23,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

На таблице 2 видно: чем старше поколение, тем больше положительных оценок советской политической системы. Вместе с тем наибольшее одобрение практически всеми поколениями, за исключением самого старшего советского, получила современная российская политическая система. Мы полагаем, что это свидетельствует об успешности реализуемой стратегии использования положительного образа СССР в легитимации российской политической системы и практик нациестроительства. Характерно восприятие нынешней российской политической системы в общественном сознании как некоего гибрида, который унаследовал черты советской системы, но вместе с тем впитал в себя передовой опыт западных стран.

Парадоксально, что на фоне такой весьма высокой оценки советского периода о распаде СССР сожалеют лишь 27,7%, не сожалеют 34,8%, остальные 37,5% затруднились с ответом на вопрос. Вполне ожидаемо, чем старше поколенческая группа, тем выше доля респондентов сожалеющих о распаде СССР. В самой старшей группе количество сожалеющих равняется 51,6%, в группе позднесоветского поколения – 32,7%, постсоветской переходной генерации – 19,9%, поколения стабильности – 16,2%.

Хотят ли россияне возврата в том или ином виде к советской системе? С целью диагностики общественного мнения по данному вопросу в анкете предлагались две взаимосвязанные позиции. Первая имела характер отрицания («Современная Россия должна отказаться от попыток восстановления в том или ином виде советской системы»), вторая – позитивную коннотацию («Россия должна восстановить все хорошее, что было в СССР»). Интересным является факт, что 24,6% представителей самого молодого поколения ничего не имеют против возрождения элементов советской системы.

Этот вывод подтверждается и при анализе ответов на вопрос «Должна ли Россия восстановить все хорошее, что было в СССР?». Очень схожие позиции наблюдаются у представителей позднесоветского поколения и постсоветской переходной генерации – согласие с предложенным тезисом продемонстрировали более 66,0% респондентов в каждой группе, несогласие выразили более 33,0% (треть респондентов в каждой из этих групп). Различия же по данному вопросу явно выражены у поколения стабильности и советского поколения. В частности, несогласие с предложенным тезисом выразили 24,7% представителей поколения стабильности и 55,4% представителей самого старшего советского поколения (более половины опрошенных респондентов).

Важным аспектом отношения к прошлому является оценка исторических событий. Особое место в современных дискуссиях занимает XX век в контексте двух революций, происшедших в начале и конце века, их последствий для страны. Общая тенденция – слабая осведомленность об этих событиях.

Таким образом, можно сделать вывод, что советское прошлое обладает достаточно существенным символическим капиталом во всех выделенных нами поколенческих группах. Вместе с тем достаточно четко проявилась группа, обозначенная в исследовании как «поколение стабильности». Именно она в большей степени продемонстрировала лояльное отношение к советскому прошлому, несмотря на опосредованное восприятие советского периода и слабое знание реальной жизни в эту эпоху. В целом это свидетельствует о наличии поддержки среди молодого поколения политики ресоветизации, что может послужить «серьезным аргументом» для продолжения данной политики в качестве фундамента в еще не завершенном процессе строительства российской нации.

Библиография/References:

1. Ачкасов В. А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2015. – Т. XVIII. – № 2 (79). – С. 181 – 192.

2. Головашина О. В. «Изобретающее воспоминание»: образ СССР в коммуникативной памяти первого постсоветского поколения // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем. Сборник статей и тезисов докладов Международной научной конференции. – Тамбов: Издательство Першина Р. В., 2015. – С. 250 – 255.

3. Головашина О. В. Образ Советского Союза в социальной памяти современных россиян (на материалах эмпирического исследования) // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 11. – С. 193 – 198.

4. Гудков Л. Д. Время и история в сознании россиян (Часть 1) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 3. – С. 84 – 102.

5. Дубин Б. В. Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra. – 2011. – Т. 15. – № 5. – С. 6 – 22.

6. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. – 2016. – №3. – С. 25 – 39.

7. Касамара В. А., Сорокина А. А. Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. – 2014. – №1. – С. 107 – 118.

8. Левада Ю. А. Заметки о «проблеме поколений» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – №2. – С. 9–11.

9. Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2012. – Т. 8. – №4. – С. 179–204.

10. Проказина Н. В., Старых Н. П. Коммуникативная память о Великой Отечественной войне: теоретические подходы и социальная практика // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 5(35). – С. 35 – 43.

11. Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 436 – 472.

12. Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003. – М.: ИС РАН, 2003. – С. 213–233.

1. Achkasov, V. A. (2015) Rol' «istoricheskoj politiki» v formirovanii rossijskoj identichnosti [The role of the "politics of history" in the formation of Russian identity] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. – T. XVIII. №2(79). – P. 181–192. (In Russ.)

2. Golovashina, O. V. (2015) «Izobretajushhee vospominanie»: obraz SSSR v kommunikativnoj pamjati pervogo postsovetskogo pokolenija ["Invents a memory": the image of the Soviet Union in the communicative memory of the first post-Soviet generation] // Konstruktivnye i destruktivnye formy mifologizacii social'noj pamjati v proshlom i nastojashhem. Sbornik statej i tezisov dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Tambov: Izdatel'stvo Pershina R. V. –P.250–255. (In Russ.)

3. Golovashina, O. V. (2013) Obraz Sovetskogo Sojuza v social'noj pamjati sovremennyh rossijan (na materialah jempiricheskogo issledovanija) [The image of the Soviet Union in the social memory of modern Russians (on materials of empirical research)] // Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy. – № 11. – P. 193–198. (In Russ.)

4. Gudkov, L. D. (2009) Vremja i istorija v soznanii rossijan (Chast' 1) [Time and history in the minds of Russians (Part 1)] // Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii. – № 3. – P. 84-102. (In Russ.)

5. Dubin, B. V. (2011) Simvoly vozvrata vmesto simvolov peremen [Symbols instead of returning characters change] // Pro et Contra. – T. 15. – № 5. – P. 6-22. (In Russ.)

6. Evgen'eva, T. V., Selezneva, A. V. (2016) Sovetskoe proshloe v cennostnom i obrazno-simvolicheskom prostranstve rossijskoj identichnosti [The Soviet past in value and figurative-symbolic space of Russian identity] // Polis. Politicheskie issledovanija. [Polis. Political Studies] – № 3. – P. 25 – 39. (In Russ.)

7. Kasamara, V. A., Sorokina, A. A. (2014) Obraz SSSR i sovremennoj Rossii v predstavlenijah studencheskoj molodezhi [The image of the Soviet Union and modern Russia in students' performances] // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – № 1. – P. 107 – 118. (In Russ.)

8. Levada, Ju. A. (2002) Zametki o «probleme pokolenij» [Notes on "the problem of generations"] // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. – № 2. – P. 9 – 11. (In Russ.)

9. Malinova, O. Ju. (2012) Politicheskoe ispol'zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoj politiki: jevoljucija diskursa vlastvujushhej jelity v postsovetskoj Rossii [The political use of the past as a symbolic instrument of policy: the evolution of the discourse of the ruling elites in post-Soviet Russia] // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. – T. 8. – №4. – P. 179–204. (In Russ.)

10. Prokazina N. V., Staryh N. P. (2014) Kommunikativnaja pamjat' o Velikoj Otechestvennoj vojne: teoreticheskie podhody i social'naja praktika [Communicative memory of the Great Patriotic

War: theoretical approaches and social practices] // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. [Central Russian Journal of Social Sciences] – № 5 (35). – P. 35 – 43. (In Russ.)

11. Renner, A. (2005) Izobretajushhee vospominanie: Russkij jetnos v rossijskoj nacional'noj pamjati [The invention remembrance: Russian ethnicity in the Russian national memory] // Rossijskaja imperija v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let: Antologija. – M.: Novoe izdatel'stvo. – P. 436 – 472. (In Russ.)

12. Semenova, V. V. (2003) Sovremennye konceptual'nye i jempiricheskie podhody k ponjatiju «pokolenie» [Modern conceptual and empirical approaches to the "generation" concept] // Rossija reformirujushhajasja: Ezhegodnik-2003. – M.: IS RAN. – P. 213 – 233. (In Russ.)